

Анна Бердичевская

Не все дома

Анна Бердичевская, поэт и прозаик, родилась в Соликамске, в одном из лагерей Усоллага. Первая книга стихов вышла в Тбилиси, куда автор переехала в 1984 году. С 1991 года живет в Москве. Печатается в журналах «Континент», «Новый мир», «Знамя», «Дружба народов». Поздравляем Анну Бердичевскую с получением Бабелевской премии. И публикуем рассказ, предложенный автором нашему альманаху.

Анаит была царского рода, а Гия просто хорошего. Но это совершенно не важно. Анаит с Гией учились в одной школе. Она была отличницей, закончила десятый класс комсоргом школы, поступила на журфак Московского университета, вступила в партию, еще что-то солидное закончила и вернулась в родной город собкором по всему Закавказью газеты «Советская культура». Гия был футболист. И всегда оставался футболистом, только перешел со временем на тренерскую работу. Делал футболистов из начальных мальчишек.

Анаит была принципиальный собкор, ее очень уважали и в Москве, и на всем Кавказе. А Гию очень уважали все, кто любил футбол.

Тоже немало.

У них родились дочь-отличница, вся в маму, а потом сын Баграт.

Баграт не был ни отличником, ни футболистом. Он был очень большим, сильным и неторопливым. Не торопился учиться, жениться, и в армию попал позже срока. В армии он все-таки увлекся, к папиной радости, спортом, и к двадцати шести достиг серьезных успехов в классической борьбе.

Борцовский талант Баграта только-только начал расцветать (он даже одного знаменитого турка припечатал лопатками к коврику на международных соревнованиях). Почти сразу после этого Баграт полюбил соседскую девушку, а осенью на радость всем женился.

В том же году классическая борьба повсеместно на Кавказе полностью утратила значение. Война клубком змей вылезла откуда-то и заползла в каждую семью. Стало не до классической борьбы.

Вышло так, что Анаит сразу полюбила нового всенародно и демократически избранного президента (99,4% избирателей проголосовали «за»). «Я ему верю!» – говорила Анаит мужу. Гия крутил головой. Он понять не мог: как она, ленинка-интернационалистка, могла поверить прохиндею, провокатору и, главное, фашисту. Но что тут скажешь? Женщина. И потом, президент-то был профессор и сын писателя-классика. Анаит перед людьми культуры и науки всегда преклонялась. Может, потому?..

Анаит отвечала: нет. Она просто созрела. И все.

Гия не спорил. Себе дороже.

Все родственники и Ги, и Анаит были кто за, кто против этого президента, и даже иногда ходили послушать мнение народа на площадь, на ту, где был митинг «за», или неподалеку, где был митинг «против». На митинге «за» было шумно. Ораторы требовали выгнать всех иностранцев и перевешать всех коммунистов-ленинцев. Многие из ораторов были кто коммунистами, кто инородцами, но на трибуне они о таких мелочах не помнили. Энергичные тетки в черном с портретами президента выли, как по покойнику, словно нанятые специально для похорон плакальщицы. Все это само по себе было и не важно, но только чувствовалась, что эти тары-бары не просто так. Пафосную ахинею, да еще с таким энтузиазмом и на людях, нормальные граждане могут нести только со страху. Чего же они боялись, что прикрывали шумом-гамом?..

Оппозиция на своей площади стояла молча. Тоже как-то страшновато.

Гия ни там, ни там почти не бывал. Он продолжал ходить на стадион и тренировать своих мальчиков-футболистов каждый день, хотя зарплату ему давно не платили. Так что, он и не заметил, как президент вдруг надумал расстрелять и разогнать своим галдящим митингом при поддержке своей же неплохо вооруженной «гвардии» другой митинг. И кругом велел развесить листовки с фамилиями и адресами «врагов нации». Гия с изумлением обнаружил в списках несколько своих самых уважаемых родственников, а также людей очень знаменитых – режиссеров, художников, академиков. Царские фамилии родственников жены там тоже встречались. Анаит по этому поводу сказала: «Провокация! Это оппозиция пишет и распространяет сама, чтоб дезинформировать мировую общественность». Но кое-кого из этого списка действительно стали «брать» по ночам гвардейцы президента... Изгнанная с площади молчаливая оппозиция, не стерпев разгона и арестов, вдруг многократно возросла числом и, тоже к удивлению Гии, взяла, да и захватила казармы гвардии президента. Вооружилась и окружила президента с его охраной в Главном доме. Началась многомесячная осада, над городом повис серный смог от перестрелок и вонь бронетехники, работавшей на мазуте. Мальчиков-футболистов родители перестали отпускать на тренировки.

Гия затосковал. Анаит – напротив. Она даже помолодела и объявила мужу, что журналистский долг велит ей пробраться к президенту и взять у него интервью. Она узнает всю правду и расскажет о ней миру.

«Влюбилась она в него, что ли?» – подумал Гия и рассердился. На всякий случай строго сказал: «Сиди дома! – и добавил: – Не надо женщине лезть туда, где стреляют». «Оппозиционер! – закричала она. И добавила: – Трус!»

Тогда он запер Анаит в квартире (а жили они на девятом этаже) и отправился к русскому соседу пить хорошую кахетинскую чачу. Он всегда так делал, когда впадал в тоску.

Именно в это утро сын Гии и Анаит, подающий большие надежды борец классического стиля Баграт, узнал, что его молодая жена беременна. И пошел к своим родителям сообщить новость. Сам он был этой новостью глубоко потрясен и, вообще-то, счастлив.

Телефон в родительском доме уже не работал. Лифт не работал тоже. У Баграта был свой ключ, и он решил проникнуть в дом потихоньку, чтоб огоршить и порадовать мать с отцом редким гостем – собою. И, конечно, своею новостью. Он поднялся на девятый этаж, вставил ключ в скважину, повернул его... тут дверь распахнулась, толкнув Баграта, мать выскочила и ринулась вниз по лестнице. Она думала, что вернулся ее оппозиционер Гия, и решила, прорвавшись за открывающуюся дверь, бежать на баррикады, в бункер и сделать-таки под пулями оппозиционеров интервью с президентом.

Она с грохотом понеслась по темной лестнице, а Баграт зашел в квартиру, надеясь найти там отца. Не нашел, вышел на балкон и дождался, когда из подъезда выскочит мать. Он еле до нее докричался. Она остановилась, оглянулась на свой балкон, узнала Баграта и очень обрадовалась. Вот кто пойдет с нею, проводит ее до линии фронта! Баграт мало что понял и неспешно отправился вслед за матерью вниз по лестнице. Анаит тем временем проверила, работает ли диктофон, – не работал. Все вокруг отказывалось работать. Она решила заодно проверить свои журналистские удостоверения – надо же было что-то предъявить охране президента. Удостоверений было два – газеты «Советская культура» и еще Союза журналистов СССР. Она взяла из сумочки свою гэдээровскую пятицветную шариковую ручку и, выбрав красный стержень, вычеркнула слово «Советская» в названии газеты. Закрyla и резко открыла книжечку бордового цвета. Выглядело очень эффектно, правка в глаза бросалась сразу. Ей захотелось так же поступить и с союзной книжечкой, вычеркнуть СССР. Что-то остановило ее. «Пусть пока побудет, – подумала она, – мне и одного удостоверения за глаза хватит». Анаит снова повторила вопросы, которые она задаст президенту. Но для начала она ему скажет, что народ, а не только сама Анаит, верит ему! Оппозиционерам же, этой горстке любимчиков старой власти, народ не верит. «Может, вообще не показывать никаких удостоверений?» – снова подумала она. И внезапно похолодела: вдруг охрана президента проверит ее сумочку, а там вместе с паспортом – партбилет!.. И тут она решилась на самый важный и самый мужественный

шаг: она достала зажигалку и подожгла свой партийный билет. Руки у нее тряслись. Горел партбилет плохо, смердя корочкой. Но все же сгорел. Последняя акция стоила Анаит невероятного стресса. Просто ноги подкосились. Слава Богу, в дверях подъезда появился Баграт. Он шел важно, вразвалочку и глупо улыбался.

«Что ты медлишь! – рассердилась Анаит, повернулась и побежала, крикнув сыну: – Догоняй!» Она бежала к президенту, как в юности на свидание к своему футболисту. Ей казалось, что президент сам назначил ей встречу в строго определенный час, и она на нее позорно опаздывает по семейным обстоятельствам.

«Что случилось, мама?» – Баграт, как на тренировочной пробежке, подобрал могучие руки к груди и легко догнал Анаит. «Ничего! Я иду делать интервью к президенту», – ответила она, стараясь не сбиться с дыхания. В конце концов сдалась, перешла на шаг.

«А папа где?» – как ни в чем ни бывало снова спросил Баграт.

«Твой отец... твой отец... когда мы вернемся, я все скажу ему прямо в глаза. А молодым сыновьям слышать такое не полагается!» Баграт замолчал. Он шел, не отставал и все примерялся, как бы сказать свою новость маме. Но она так была чем-то взволнована, так горько и гордо улыбалась и что-то иногда проборматывала на ходу...

Они почти пришли к Главному дому. И остановились. То, что открылось, они оба не ожидали увидеть. Вокруг не было ни души. И между колонн дома никого. А вся площадь утопала в мусоре – немыслимом, варварском, небывалом. Хуже любой помойки. Это были развороченные и растерзанные останки дорогих резных кроватей, шкафов и комодов, вытащенных из гостиницы. Концертный рояль стоял на боку, с оторванной декой и вывернутыми наружу струнами. Разбитые в щепы школьные доски и парты из гимназии были свалены, как дрова... Но больше всего поражали большие холсты на подрамниках, картины, писанные маслом. На них радостные люди как ни в чем не бывало занимались всевозможным благородным трудом – лесорубы, монтажники-высотники и хлеборобы, доярки и поварахи, балерины и рыбаки... Почти все задумчиво смотрели вдаль, а некоторые улыбались, сверкая крепкими зубами... Полотна были изодраны, в них зияли дыры... Да что же это такое?.. Картины просто приковывали

к себе глаза. И только наглядевшись, не сразу, Баграт и его мама увидели, что ни гимназии, ни гостиницы, ни Союза художников вокруг площади больше нет. Пепелища.

Все знали, что у Главного дома по ночам гремели выстрелы и что-то горело. Но чтобы так...

– А где все? Не одни же мы тут?.. – почему-то шепотом спросил маму Баграт.

– Лучше скажи мне, где президент? Скажи, где он, вот что важно, – ответила сыну Анаит. – И как мне к нему попасть?..

Она замолчала, задумалась.

И наконец решилась:

– Пора! Жди меня здесь. Час, два, три... Сколько надо, столько и жди.

Анаит сделала два шага, первые два шага, чтоб перейти площадь.

И тут же почувствовала, что сын идет за ней.

– Баграт! Жди меня за углом! – она почему-то говорила тоже шепотом.

– Я не пущу тебя одну! – упрямо, и перестав шептать, громко сказал Баграт. Он успокоился и только все удивлялся, глядя по сторонам. Недоумевал.

– Нет, ты не пойдешь! – Анаит даже топнула ногой. Но вдруг растрогалась тому, что с ней рядом ее мальчик. Она снова с обидой вспомнила Гию. Анаит оперлась о руку своего могучего сына. – Мальчик мой, не геройствуй. Помни, это только мое задание, мое журналистское расследование. Меня не посмеют тронуть.

Они уже шли по середине площади.

Пока что все было хорошо. Только платаны перешептывались, позванивая бронзовой листвой в глубоком небе. И вдруг треснуло несколько выстрелов, и сразу зачиркало по мостовой.

– Ой! Что это? – Анаит, как и Баграт, не испугалась, она, как и он, просто удивилась.

Баграт прижал ее к себе, прихватив за плечи одной рукой, и почти понес, петляя между растерзанным барахлом. Вторую руку он поднял, как будто подавая знак вовсе не стреляющим, а, как бывало, библикающим здесь на площади машинам: погодите

ребята, мы с мамой сейчас пробежим... Выстрелы продолжали трещать, но пули уже не чиркали по мостовой, воюющие стороны занялись друг другом.

Вот Баграт с мамой и на «той стороне». Они весело, как напроказившие дети, скачут по широким гранитным ступеням Главного дома, вот уже и колонна рядом, за которой можно спрятаться. «Всё! Добежа-а-али! – радостно пропела мама сыну, ныряя за колонну. – Ты герой, мой мальчик!»

– Стоять! Кто такие?

За колонной их поджидал маленький, весь перетянутый ремнями, туго набитый качок – шире себя поперек. На плече у него болтался еще горячий автомат. Лицо у качка было вполне ужасное. У Анаит наконец-то екнуло сердце. Она испугалась.

– Мы к президенту... Я к президенту!

Трясущимися руками она стала расстегивать свою сумочку, искать правильное, с вычеркнутым словом «советская», удостоверение корреспондента. Качок сумочку вырвал и стал в ней шарить сам. Забрал диктофон, остальное вытряхнул к подножию колонны. Не глядя, высунул из-за колонны руку с автоматом и дал короткую очередь в божий свет как в копейку.

– Собирай, старуха, свою дребедень и дуй отсюда.

– Как?.. – переспросила Анаит. – Это вы мне?..

У Анаит заложило уши от выстрелов. Баграт все отлично услышал. Он побелел, потом покраснел, взял одной рукою за дуло автомат, другую – за горло его хозяина. Автомат отобрал и откинул подальше. Потом осторожно, чтоб не придушить насовсем, двумя руками, сомкнувшимися прямо под ужасным нечеловеческим лицом качка, оторвал его от земли. Тот даже ногами не задрывал, так и висел, растопырив руки.

– Извинись, – сказал Баграт качку и поставил его на землю. – Извинись перед моей мамой, – повторил он, не убирая руки с толстой шеи.

– Госпожа, извините, я не хотел, – просипел качок.

– Теперь собери все в сумочку, и то, что прихватил, тоже аккуратно положи на место.

Баграт отпустил качка, и тот буквально рухнул к сумочке, сразу начав поспешно собирать все эти рассыпавшиеся глупости –

помаду, зеркальце с пудрой, валидол, жвачку, дамские сигареты и нарядную зажигалку, духи и блокнот с авторучкой...

За колонной появилось еще двое гвардейцев.

– Что здесь происходит? – спросил старший. У него были очки в тонкой оправе и сухое лицо школьного учителя химии. – Кто вы такие?

Качок, не в силах встать, отдал Анаит сумочку, и она вспомнила, зачем пришла сюда. Но что-то у нее в голове отключилось. Она как воды в рот набрала. Кроме того, от всех мужчин так ужасно пахло... Просто воняло.

Баграт решил все объяснить сам.

– Моя мама пришла взять интервью у вашего президента, а я ее провожаю.

Старший переглянулся с третьим гвардейцем. Они чему-то обрадовались, один другому даже подмигнул. Улыбающийся старший перестал походить на учителя химии, он посерьезнел и ответил вполне официальным тоном.

– Интервью не состоится. Президент не дает интервью. Никому. Это его принципиальная позиция. Отправляйтесь домой.

– Как? – спросила Анаит.

– Так же, как пришли. Через площадь.

Анаит с Багратам не стали спорить, они повернулись и сделали несколько шагов от колонны. С той стороны в них никто не стрелял. Только чувствовалось, оттуда внимательно смотрят.

– А ты, парень, куда? – вдруг негромко окликнул Баграта старший. – Тебя никто не отпускал. Мамаша пусть катится, если ее не подстрелят. А ты здесь нужен.

– Ага, сейчас, – сказал Баграт, даже не оглянувшись. Он снова прижимал мать к себе одной рукой и почти нес ее, подняв вторую руку, словно в приветствии тем, кто смотрит с той стороны.

– Что сидишь? – спросил старший у поникшего качка. – Бери свой дюбель и шмальни в него.

Качок не заставил себя ждать. Он подобрал автомат, прицелился и дал короткую очередь.

Очередь перебила Баграта позвоночник и прошила печень. Он постоял секунду, опустил Анаит, она тут же легла на землю,

прикрыв голову, – голова у нее гудела, как колокол. Баграт и сам повалился, прикрывая собою мать.

Анаит ничего не поняла. Она что-то говорила сыну, говорила, жаловалась на Гию, ругала оппозицию, которая всех предала. А Баграт умирал, смотрел на свою маму и жалел ее. И еще он жалел свою молодую жену, которая была беременна. Она боялась. «Как рожать во время войны? – говорила она сегодня ночью. – И света нет, и воду отключают...» «А я не боюсь войны, – с тоскою думал Баграт свою последнюю мысль. – Поздно бояться, меня убили».

– Сыночек, – вдруг спросила мама, она отогрелась возле сына и успокоилась, – что ж ты к нам прибежал сегодня? Случилось что? Баграт ей так и не ответил.

Три дня до похорон Анаит у всех спрашивала, где Баграт, и почему приходил к ней, что хотел сказать. Ей отвечали или не отвечали, все были заняты и не смотрели ей в глаза. И Гия, став в одночасье седым, смотрел мимо Анаит. Наконец, она увидела того русского соседа, старенького и вечно под мухой. Он пришел в затрапезном кителе с орденскими ленточками и смирно сидел на кухне. Анаит подседа к нему и заговорила с ним по-грузински об оппозиции и ее подлости. Русский кивал, кивал и сказал наконец по-русски:

– Бедная ты моя, бедная... где тебе все понять. У тебя не все дома.

– Не все дома! – воскликнула Анаит. Она обрадовалась, что кто-то выслушал ее и все понял. – Не все у меня дома, не все... Вот ведь что, не все... Но куда ушел он, мой мальчик? И что хотел мне сказать?..

1991

